

специалист по англо-японским отношениям Я. Ниш. Также не имея доступа к российским архивам, он взял за основу многочисленные как опубликованные, так и неопубликованные английские и отчасти японские источники. Соответственно, позиция Петербурга на переговорах представлена в его книге о происхождении русско-японской войны фрагментарно<sup>4</sup>. Пожалуй, последним исследованием, в котором тема дипломатической предистории войны 1904–1905 гг. получила значительное отражение, является книга Д. Мак Доналда<sup>5</sup>. Написанное на добротном уровне исследование также имеет проблемы по части источников (как можно догадаться, не по вине автора). К сожалению, и его документальная база – в основном опубликованные материалы, а также архив С.Ю. Витте, хранящийся в РГИА. Дипломатия 1903 г. выглядит у автора соревнованием записок и выступлений, а интересы, за ними стоявшие, понятны далеко не всегда. Вместе с тем, следует отметить, что большинство суждений и заключений Д. Мак Доналда вполне справедливо. К примеру, о длительной, до конца 1903 г. симпатии царя политике Е.И. Алексеева или о системном кризисе власти к этому времени и т.д.

### ***11.1. Обстановка до начала переговоров: перемены в российской власти в конце 1902 – первой половине 1903 гг.***

За последний год, предшествовавший войне с Японией, в российской власти произошли значительные перемены. С.Ю. Витте окончательно утратил руководящую роль в дальневосточной политике. Крах всех его прежних замыслов в Китае явственно проявился 27 октября 1902 г. на совещании в Ялте у Николая II по вопросу о заселении полосы КВЖД. Там министр финансов отверг необходимость всякой активности России даже в Маньчжурии, а для укрепления позиций на Дальнем Востоке предложил построить исключительно по российской территории Амурскую железную дорогу<sup>6</sup>. Свой «новый взгляд» С.Ю. Витте повторил на Особом совещании 25 января 1903 г., объявив, что нет оснований заниматься переселением в Маньчжурию и препятствовать потоку туда китайских колонистов.

<sup>4</sup> Nish J. The Origins of the Russo-Japanese War. L., 1985. P.XI. Истории русско-японских переговоров в той или иной степени посвящено пять глав, с 10 по 14 (P.152–212).

<sup>5</sup> Mac Laren Mc Donald D. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914. Cambridge (Mass.), 1992.

<sup>6</sup> Черновой вариант журнала совещания в Ялте 27 октября (9 ноября) 1902 г., составленный С.Ю. Витте // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.326. Л.163–164. Эту мысль подхватил А.Н. Куропаткин, в частности, в своём выступлении на Особом совещании 25 января 1903 г., но только для того, чтобы противопоставить ей свой тезис: надо присоединить Северную Маньчжурию к России (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.107. Л.120–142).

Более подробно С.Ю. Витте изложил свои новые соображения в конце 1902 г., отвечая на записки Р.Р. Розена и А.И. Павлова о дальневосточной политике России. Выступая за временное соглашение с Японией, даже за союз с ней, министр финансов необоснованно полагал, что ему удастся заставить Токио отказаться от Маньчжурии, предоставив японцам свободу рук в Корее. Очевидно, что С.Ю. Витте понимал содержание дальневосточных проблем слишком узко. Так, он не отреагировал на предложение Р.Р. Розена урегулировать отношения с Англией. Представления министра финансов в отличие от барона, желавшего расколоть англо-японский союз и тем намеревавшегося **избежать** вооружённого конфликта, базировались на утверждении о **неизбежности** для России войны с Японией в будущем. Продолжая рассуждать о господстве в Маньчжурии, С.Ю. Витте признавал, что Россия не может её захватить, так как это вызвало бы сильные протесты держав<sup>7</sup>. Записка сановника ярко свидетельствовала о тупике, в который зашла его дальневосточная политика. Начав в 1890-е гг. с программы широчайшей экономической экспансии в Китае, к концу 1902 г. он не мог предложить ничего иного, кроме уступок и отступления по всем направлениям. Призывы к твёрдости не должны вводить в заблуждение: они не подкреплялись конкретными предложениями, но неизменно сопровождались утверждениями об опасности вооружённого конфликта или, как минимум, о противодействии держав Петербургу.

Полный отказ от планов экономического доминирования в Китае явился серьёзным ударом для Николая II. До этого императору на протяжении почти десятилетия обещалось, что Россия станет хозяйкой Востока. Естественным для него было желание сохранить из былых грёз хоть что-то и рост недоверия к министру финансов. Тут царь вспомнил о его оппонентах с 1898 г. – безобразовцах, которые сразу предложили план действий: сконцентрировать в одних руках все имеющиеся маньчжурские и корейские концессии, открыть для иностранцев Южную Маньчжурию, а для того, чтобы они не смогли там развернуться – нанять хунхузов – «и предприятия ломаются, люди исчезают»<sup>8</sup>. Такая позиция, насколько бы нелепой она не выглядела, казалась всё же предпочтительнее полной капитуляции С.Ю. Витте. Другой альтернативы Николаю II никто не предложил. Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф настаивал лишь на выполнении международных договоров, прежде всего, об эвакуации Маньчжурии 26 марта (8 апреля) 1902 г., что мало отличалось от позиции С.Ю. Витте. Военный министр А.Н. Куропаткин, наоборот, предлагал не исполнять соглашение 26 марта (8 апреля) 1902 г. о выводе русских войск, а объявить о присоединении к России Северной Маньчжурии, не отдавая себе

<sup>7</sup> Черновик записки С.Ю. Витте В.Н. Ламздорфу в ответ на записки Р.Р. Розена и А.И. Павлова 28 декабря 1902 г. (10 января 1903 г.) // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.59. Л.93–101.

<sup>8</sup> Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.12. Запись 1 (14) декабря 1902 г.

отчёта во всех последствиях такого шага. Аннексия всей территории, «отрезаемой» КВЖД, если бы она состоялась, решала лишь одну задачу – защиту трассы, создавая при этом массу новых проблем, прежде всего, в отношениях с рядом стран (США, Англия, Япония, Китай).

Усиливавшиеся разногласия среди министров отражались и на действиях местных властей. Собственное мнение о дальневосточной политике имел главный начальник Квантунской области Е.И. Алексеев, стремившийся тогда прежде всего к закреплению русского влияния в Маньчжурии и безопасности коммуникаций Порт-Артура. «Вообще Алексеев не сочувствовал широким планам нашего правительства в Квантунской области и не верил в просветительную миссию России и в способность нашу колонизовать Маньчжурию. <...> Он считал, что для развития торговли достаточно железной дороги и порта при соответственной тарифной системе, а что слишком честолюбивая программа может лишь поссорить нас и с Японией, и с Китаем. <...> Он мало верил в прочность нашего положения на Квантуне, считая, что железную дорогу легко прервать. Занятие Артура и, особенно, основание Дальнего были, по его мнению, ошибкой. Россия должна была стремиться к закреплению корейского побережья и Цусимского пролива дабы обеспечить подступы к Владивостоку и не разбрасываться далеко от своей базы»<sup>9</sup>. Е.И. Алексеев исходил из того, что соглашение с Китаем 26 марта (8 апреля) 1902 г. выполнять нежелательно, наоборот, следовало бы «под благовидным предлогом удерживать за нами занятое положение в Маньчжурии». Если же это невозможно, дальнейший вывод войск надо обусловить специальными мерами по защите русских интересов в Китае. Для того, чтобы снять недовольство иностранцев, глава Квантуна предлагал расширить их возможности, правда, не конкретизируя идею. В отличие от безобразовцев он не придавал большого значения Корее, допуская возможность «временно» уступить её. Е.И. Алексеев полагал, что «с увеличением нашего военного могущества на здешнем Востоке Япония не будет в состоянии отстоять своё положение в Корее»<sup>10</sup>.

Одобрённый Николаем II план безобразовцев по характеру действий мало чем отличался от последних инициатив С.Ю. Витте. Единственным ощутимым различием между ними было отношение к Корее. А.М. Безобразов во время своей поездки на Дальний Восток в начале 1903 г. во всеуслышание заявил, что целями русской политики должна быть охрана границы и присоединение Маньчжурии<sup>11</sup>. Главную ставку он сделал на концессии, в частности – на получение годового порубочного билета на китайском берегу р. Ялу в качестве

<sup>9</sup> Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С.52.

<sup>10</sup> Черновик телеграммы Е.И. Алексеева Николаю II 17 (30) мая 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.53–57.

<sup>11</sup> Доклад А.М. Безобразова Николаю II 16 (29) апреля 1903 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.126. Л.16; то же 9 (22) августа 1903 г. // Там же. Л.150, 152.

продолжения принадлежавшей безобразовцам корейской лесной концессии, рассматривая их также как опору и защиту против Японии<sup>12</sup>.

Для «охраны» безобразовского лесного предприятия руководивший ей подполковник А.С. Мадритов завербовал целую армию численностью до 1000 человек. Столь странная «коммерческая» деятельность лесопромышленного товарищества немедленно получила широкую огласку и вызвала резкое недовольство в Японии всей политикой Петербурга на Дальнем Востоке, поддержанное Англией и США. В Токио подозревали, что таким образом готовится военная акция России в Корее. Реакция соседки являлась отчасти наигранной: ещё в 1902 г. Япония направила на Ялу несколько десятков переодетых солдат для наблюдения за русскими, так что в общем там находились в курсе происходящего<sup>13</sup>. Конечно, наблюдение не снимало общей тревоги Токио за действия России. Тем более, что практически одновременно Петербург отказался продолжить эвакуацию Маньчжурии, первый этап которой завершился 26 марта 1903 г., предъявив Китаю целый набор дополнительных условий<sup>14</sup>. В совокупности всё это выглядело очень подозрительно, поэтому предположение об агрессивных намерениях России на Дальнем Востоке можно было без труда подкрепить серьёзными аргументами.

Вместо решительных и энергичных действий, которые требовала неблагоприятно развивавшаяся ситуация, Николай II занимал осторожную и неоднозначную позицию. Поддерживая безобразовцев, он, тем не менее, не выполнял всех их предложений. Санкционировав в феврале 1903 г. задержку эвакуации Маньчжурии (это было требование не одного А.М. Безобразова)<sup>15</sup>, царь временно отложил посылку в устье р. Ялу «артелей» из переодетых солдат<sup>16</sup>. И далее, до мая 1903 г., самодержец продолжал колебаться.

## 11.2. «Период совещаний»

Резкое усилившееся влияние безобразовцев вызвало обычную в таких ситуациях реакцию их оппонентов: у них появился мощный стимул объединиться для противостояния, несмотря на сохраняющиеся противоречия.

<sup>12</sup> Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Вите 21 февраля (6 марта) 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1519. Л.37–39; Симанский П.Н. Указ. соч. С.61.

<sup>13</sup> 15 мая 1903 г. Ю. Комура получил сообщение японского консула в Ньюжунане Сегавы, что целями безобразовского предприятия является не подготовка войны, а коммерческая деятельность (заготовка леса, горные разработки) (Nish J. Op. cit. P.156–157).

<sup>14</sup> См. подробнее главу 8 «Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии».

<sup>15</sup> А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 21 февраля (6 марта) 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1519. Л.15.

<sup>16</sup> Там же. Л.16–28. Обсуждение этого вопроса проходило в конце февраля – первой половине марта 1903 г.